

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(3): 1162-1170
 DOI: 10.13187/bg.2021.3.1162
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Left Flank of the Caucasian Cordon Line: the Place and Role of Fortifications in the Military-Political Subordination of the Eastern Caucasus during the Caucasian War

Machach M. Vagabov ^a, Abidat A. Gazieva ^{b,*}, Vasily A. Rogozhkin ^a

^a Moscow Polytechnic University, Russian Federation

^b Institute of History, Archeology, Ethnography, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

In the article, on the basis of the comprehensive use of the literature and sources at our disposal, a systematic study of the history of the construction and functioning of the fortifications of the Left Wing of the Caucasian Cordon Line in the context of the military-political subordination of the region is carried out. Having carried out an analytical analysis of the complex of sources, literature, and historical concepts at the research disposal, we made an attempt to systematically study the influence of cordon fortifications and fortresses in the Eastern Caucasus on the military-political subordination of the region during the Caucasian War. In addition, we are making an attempt to classify the methods of military and political subordination. The study attempts to reveal the role and significance of the fortifications of the Left Wing of the Caucasian Cordon Line in the subordination of the territory of the Eastern Caucasus to the Russian Empire in the 19th century, as well as to show the evolution of the regional management system during the Caucasian War. The topic of the history of the creation of cordon lines in the Eastern Caucasus, the goals and objectives of their construction is poorly covered in the scientific literature. To achieve the designated research goals and objectives, the use of the value approach was of great importance. This approach allowed not only to develop a certain attitude and assess the processes under study, but also contributed to the franking of historical events, using such scientific categories as “place”, “role”, “meaning”, “experience”. Cordon fortifications and fortresses were the conductors of the Caucasian policy in the Russian Empire in the Eastern Caucasus. Until the 30s of the XIX century, the tsarist administration of the Russian Empire mainly used the tactics of military conquest of territories by means of punitive operations to subjugate the territories of the Eastern Caucasus. The harsh methods of military subordination were gradually replaced by methods of political control, the dissemination of Russian legislation and orders. It is worth talking about political development only in those territories that were initially subordinated by force of arms, and only after a lapse of time, by means of acculturation, everyday communication and trade and economic contacts, did they become mentally closer to Russia. On the border territories, to the cordon Lines, colonization was actively carried out, first military, then civil, which also contributed to the military-political subordination of the region. The personal factor was of great importance in matters of military-political subordination of the Eastern Caucasus, the managers changed, transformed the internal vector of the Caucasian policy, changing it depending on their ideas about the conquest of the region. During the 19th century, the tactics of military subordination of the region began to evolve and transform into the military-political development of the region, with the predominant use of military resources, which was due to the ongoing Caucasian war.

Keywords: fortifications, Caucasian politics, amanats, military campaign, Ermolov, isolation policy.

* Corresponding author

E-mail addresses: gazieva.abidat@mail.ru (A.A. Gazieva)

1. Введение

Кавказ в силу своего стратегического и геополитического положения на протяжении многих веков был ареной противоречий между крупными мировыми державами. Издавна через территорию Кавказа проходили важные военно-стратегические и торгово-экономические пути, в результате чего этот регион всегда был ареной конфликтов интересов крупных государств. Одним из главных геополитических игроков в регионе была Российская империя, которая хотела расширить и обезопасить свои южные границы. Оптимальной системой для вхождения и дальнейшего вовлечения региона в общероссийское политическое, экономическое, административное и культурное пространство было строительство приграничных укреплений на юге государства. Разработкой проектов возведения системы фортификационных укреплений в разные исторические периоды занимались П.А. Апраксин, П.Д. Цицианов, И.В. Гудович, А.П. Ермолов, И.Ф. Паскевич, М.С. Воронцов. План возведения крепостей и укреплений менялся в зависимости от успехов боевых действий и тактики генералов по покорению региона. Вместе с этим каждый новый виток боевых действий характеризовался новым тактическим сопровождением политики военно-политического подчинения.

2. Материалы и методы

Первичная информация по данной теме исследования собиралась в научном архиве ИИАЭ ДФИЦ РАН (Россия, республика Дагестан, город Махачкала). Также в работе проанализированы документы, хранящиеся в фондах Центрального государственного архива, посвященные Кавказской войне. Кроме того, в качестве источниковой базы исследования использовались Акты, собранные Кавказской археографической комиссией, в которых представлены законопроекты, распоряжения относительно кавказской политики Российской империи на Восточном Кавказе.

Основой теоретико-методологической базы научного исследования явились общеисторические принципы историзма и объективности. Комплексное применение общеисторических методов исследования – историко-сравнительного, историко-ситуационного – позволило системно изучить исторические факты в контексте исторических событий военно-политического подчинения региона в указанный период. Для осуществления обозначенных целей и задач научного исследования большое значение имело применение ценностного подхода, позволившего дать историческую оценку явлениям, процессам и событиям, а также представить историческое событие на разных уровнях исследования, используя такие научные категории, как «место», «роль», «значение», «опыт».

3. Обсуждение

Основное строительство системы фортификационных укреплений на Кавказе приходится на период Кавказской войны, в частности на начальный этап боевых действий. Это время отождествляют с деятельностью А.П. Ермолова на Кавказе, который сменил внутренние векторы кавказской политики, пересмотрел ее содержание в вопросе подчинения края.

До назначения А.П. Ермолова на Кавказ функционировал лишь Терский участок Кавказской кордонной линии, который возник при основании крепости Кизляр и десяти станиц вдоль по Тереку, выполнявших защитную функцию. На участке постоянно содержались российские войска и казачьи подразделения в станицах. Для защиты города-крепости, кроме воинских сил, практиковалось использование охраны караульчиков – по 1 от каждых 10 дворов ([Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 15. Л. 122](#)). Данная мера была необходима, чтобы местные жители были вовлечены в процесс охраны и не имели интереса принимать участие в сговоре с немирными горцами.

В последующий период, вплоть до прибытия А.П. Ермолова на Кавказ, строительные работы по возведению системы фортификационных сооружений Кавказской кордонной линии не велись. Остальные стратегические части Восточного Кавказа не находились под постоянным контролем российской администрации. При А.П. Ермолове Кавказская линия распространялась до Дагестана, вплоть до сухой черты от Батал-Пашинской переправы до реки Малки посредством новоучрежденных укреплений. И. Дебу отмечал, что «Кавказская губерния обращена в область сего же наименования и с сохранением жителей оной, даны строгие предписания, приняты благонадежные меры справедливости и решительности в отношении к горским смежным народам; введен бдительный и неусыпный надзор над командующими Линией» ([Дебу, 1829: 393-394](#)).

А.П. Ермолов, будучи опытным военачальником, осознавал, что тактика, использовавшаяся до его прихода в вопросе покорения горцев, устарела, и для полного подчинения и вовлечения их в российское государственное пространство необходима системная политика, базирующаяся на реалиях горского восприятия и ментальности.

Системное освоение региона Алексей Петрович решил начать с возведения новых участков кордонных линий. По его ходатайству 10 января 1818 г. Александр I издал указ, претворяющий в жизнь проект застройки Кавказской линии по реке Сунже для обеспечения безопасности левого крыла Линии. Указ разрабатывался «касательно занятия реки Сунжи, дабы чрез то обезопасить Кавказскую Линию от набега Чеченцев и других горских народов» ([Ермолов, 1861: 50](#)).

А.П. Ермолов, успев познакомиться с ментальностью горцев, утверждал: «Здесь между народами, загубелыми в невежестве, чуждым общих понятий, первый закон есть сила» (*Материалы по истории Дагестана и Чечни, 1940: 10*). Его тактика ведения дел на Кавказе вытекала из данной им горцам характеристики. Основной тактический замысел плана проведения кавказской политики генерала сводился к тому, чтобы вытеснить непокорных горцев в горы (использовать их изоляцию и склонение перед властями империи под давлением климатических, экономических факторов – «экономического прессинга»), перенести кордонную линию максимально ближе к горам.

А.П. Ермолов в письме императору описывал мотивы своих действий по обустройству Линии следующим образом: «Теперешние селения по Линии останутся за цепью крепостей в безопасности... Не приемля я занятие вдруг всей р. Сунжи, ибо оно потребовало бы чрезвычайных средств и гораздо большего числа войск; но, укрепляясь постепенно и переводя войска с теперешней Линии, чрез два года все течение Сунжи будет в руках наших и, дав спокойствие Линии, мы не будем населять горы увлекаемыми в плен подданными В.И.В. и переносить наглые поступки Чеченцев и, крови их не проливая, заставим для собственного счастья переменить разбойнический образ жизни» (*АКАК, 1875: 498-499*). Замысел генерала в конечном счете сводился к тому, чтобы территория между крепостями, сторожевыми постами должна находиться в плотной застройке, что будет обеспечивать более высокий уровень защиты границ.

Аналогичную идею высказывал в начале XIX века П.Д. Цицианов, который предлагал «занять казачьими поселениями линию от Екатеринограда до Владикавказа и от Владикавказа по реке Сунже, включая обширное пространство Сунженского предгорья» (*Омельченко, 1991: 110-111*). Тифлиссский военный губернатор Н.М. Сипягин резюмировал стратегию ведения войны на Кавказе: «В такой войне, гоняясь за бегущим и скрывающимся неприятелем, не может быть большой потери убитыми и ранеными; но могут войска утомиться и, не имея твердых пунктов соединения, ни коммуникаций верных, должны будут возвратиться без успеха» (*Материалы по истории Дагестана и Чечни, 1940: 222*). Несмотря на понимание необходимости отхода от тактики набеговой войны в виде разорительных операций, до прихода Ермолова она оставалась именно таковой. А.П. Ермолов возлагал большие надежды в вопросе покорения Кавказа на то, чтобы, «войдя в горы, занять выгоднейшие, господствующие над окрестными странами пункты, сделать в оных укрепления для защиты гарнизона, устроить безопасные коммуникации, приготовить для будущих кампаний сборные места войскам» (*Материалы по истории Дагестана и Чечни, 1940: 222*).

Наиболее важным стратегическим районом, где необходимо возведение крепостных сооружений, он считал территорию Чечни. Возведение фортификационных сооружений по реке Сунже обеспечивало возможность поддержания порядка в Чечне и защиты от набегов города-крепости Кизляр, который имел важное стратегическое и экономическое значение для Восточного Кавказа. По плану генерала была построена крепость Грозная. Для обеспечения ее строительства и безопасности нового укрепления Ермолов «от всех аулов, сидевших над Сунжей, взял аманатов» (*Потто*). Практика взятия аманатов (заложников) была распространенным элементом кавказской политики. Так, для покорения хушетцев царское правительство взяло с их общества 8 аманатов (*Левое крыло Кавказской кордонной Линии: 148*). Обычно заложников брали из наиболее влиятельных и состоятельных фамилий.

Жители чеченских деревень, находившихся вблизи Линии, не ожидали скорого возведения новой крепости, так как появление Линии и ее быстрый рост ставили приграничные к ней территории в полную зависимость. Позиция А.П. Ермолова относительно немирных горцев была решительной и непоколебимой, что следует выводом из его высказывания: «Остается добавить..., что приятное лицо мое омрачили густыми усами, ибо, не пленяя именем, не бесполезно страшить и наружностью. Я многих, по необходимости придерживаюсь азиатских обычаев и вижу, что проконсул Кавказа жестокость здешних нравов не может укротить милосердием. И я ношу кинжал, без которого ни шагу. Тебе истолкует Раевский слово «канлы», значащее взаимную нежность» (*Потто*).

К 1 октября строительство крепости было завершено. Процесс заселения территорий близ крепостей Линии был при Ермолове статичен, а после возведения Грозной деревни и вовсе опустели. Это было связано с тем, что войсками проводилась жесткая политика карательных операций, что в итоге привело к опустению когда-то заселенных деревень.

Политика управления при Алексее Петровиче и его предшественниках сводилась к тому, что осуществлялось военное подчинение региона. Данная тактика использовалась российским правительством в конце XVIII – начале XIX веков. Она не приносила желаемого результата, так как горцы быстро отходили от последствий разорительных походов русской армии и вновь приходили в неповиновение. В период А.П. Ермолова также использовалась тактика карательных операций с тем различием, что была возведена система крепостных сооружений, которая должна была стать границей между двумя мирами – российским и горским, вытесняя горцев в горы. По мнению генерала, изоляция горцев должна была скорее склонить их к подчинению и российским порядкам. Также для ускорения и упрощения процесса военного подчинения края, по мнению А.П. Ермолова, необходимо было наладить коммуникации между укреплениями. Он стал делать попытки создания транспортной системы путем вырубки лесов и прокладывания просек, что впоследствии продолжили

его преемники. Стоит отметить, что до второй четверти XIX века российская администрация на Восточном Кавказе преимущественно использовала только методы военного подчинения.

Командующий Сунженской линией, начальник левого крыла Кавказской линии полковник А.П. Пулло наказал непокорных чеченцев деревни Кишкерой, жители которой принимали у себя наиба Шамиля Ташова Гаджи. Российским командованием было принято решение о проведении экспедиции в Чечню. Генерал от инфантерии барон Г.В. Розен рапортовал 10 декабря 1836 г. в Москву: «Полковник Пулло довел до сведения моего, что непокорные нам чеченцы, уstraшенные неоднократным истреблением их жилищ, имуществом и пленом многих их единоплеменников, склонились уже на изъявление покорности нашему правительству; но возмутители Чеченские употребили все усилия для возжжения в народе религиозного фанатизма и ненависти против нас» (АКАК, 1881: 715-716).

Полковник А.П. Пулло, начальник левого крыла Кавказской линии писал: «Собрал в Шедринской станице отряд из 14 рот Куринского Егерского полка, 500 казаков Моздокского и Гребенского линейных казачьих полков, 2 горных пеших и 6 конных оружейных» (Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 95. Л. 196) для наказания жителей деревни. Полковник А.П. Пулло окружил деревню Бей-Булат-Юрт и истребил ее (Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 95. Л. 205). Военную кампанию для покорения территории Западной Чечни возглавил генерал-майор К.К. Фези, который 15 марта 1837 г. рапортовал командованию о приведении в покорность земель чеченцев и отправил командованию «присяжные листы покорившихся жителей 9 деревень ичкерийских, с коих взято 12 аманатов» (Кавказский вектор российской политики, 2014: 495). Однако, несмотря на эти действия, чеченские земли не были покорены окончательно, так как они спустя время, оправившись от разорения, вновь приходили в сопротивление.

Политика жесткого военного подчинения обостряла отношения между горцами и российской администрацией, с одной стороны, но с другой – также имела и положительные стороны для администрации: под страхом разорения многие общества горцев приходили к покорности. Так, когда наиб Шамиля Ташев Гаджи хотел пройти в Чечню через землю андийцев, они запретили ему это и «наложили штраф на 20 человек их общества, участвовавших в его действиях» (Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 95. Л. 203).

Последовательное военное подчинение и обустройство коммуникации явились первостепенной задачей для кавказской администрации, начиная с 30-х гг. XIX века. Подтверждением этому служат многочисленные рапорты, записки. Начальник левого фланга Кавказской линии Н.В. Греков рапортовал начальнику войск Кавказской линии и Черномории К.Ф. Сталю: «Продолжал расчистку и сожжение леса, в прошлом году вырубленного... Расширив дорогу, я истребил вновь выросший лес, получил от Гойты сено, аманатов, 3 числа перешел к селению Урус-Мартан, где, расположась, вырубил приготовленные завалы, взял аманата нового из лучшей фамилии и 4 перешел к селению Рошна» (Материалы по истории Дагестана и Чечни, 1940: 156). Жители покоренных чеченских селений быстро возвращались к сопротивлению российским властям, что было обычной практикой для горцев всего Восточного Кавказа. Из-за многочисленных измен и предательств со стороны жителей селений, они часто подвергались карательным кампаниям. Так, после того как жители деревни Шали многократно нарушали договоренности, достигнутые после очередного разорения, против них была организована карательная операция. Были посланы «чеченцы, казаки и солдаты с топорами вырубить все сады и потом зажечь все дома. К вечеру не осталось в деревне ни одного фруктового дерева и ни одного дома, кроме двух, отдельно стоящих домов, аманатского хозяина, который накануне того дня убил изменника, убившего в прошлом году нашего казака в Шалях; сии 2 дома не велел я истреблять» (Материалы по истории Дагестана и Чечни, 1940: 161). Следующей была разрушена до основания со всеми ее садами деревня Малая Атага (Материалы по истории Дагестана и Чечни, 1940: 161).

Подобной политикой царская администрация пыталась показать выгоды сотрудничества с Россией и подчинения. Как говорится в источнике, «это пример весьма сильный и для покорных нам, и для неповинующихся. Сверх того, открытые дороги к полям и селениям их угрожали им постоянно, должны утомить и самих разбойников; а бедность, время от времени усиливающаяся лишением скота, домов и заведений, должна положить конец упрямству и водворить повиновение» (Материалы по истории Дагестана и Чечни, 1940: 162).

Царская администрация с каждым витком боевых действий стала все чаще склоняться к тому, что за неповиновение даже нескольких человек из горского общества наказание должно быть для всего общества. В случае, когда 194 чеченские семьи бежали из села Старый Юрт, чтобы не покоряться царским войскам, для их наказания, остановки и возвращения были применены самые жесткие меры: «с пригорка начали действовать картечью, ядрами, оружейным огнем, все стало бросаться в воду: женщины, мужчины, скот... Урон должен быть у неприятеля чрезвычайно велик, ибо густота народа, смятение и ужасный со стороны нашей огонь производил жестокое поражение» (Материалы по истории Дагестана и Чечни, 1940: 166).

Царская администрация оправдывала жесткость методов тем, что «чеченцы повинуются только со страха, покорность их тогда только надежна, когда частью уважение, набеги и готовность войск

угрожают наказанием злодеев, тогда все мошенники теряют силу в народе» ([Материалы по истории Дагестана и Чечни, 1940: 166](#)).

Начальник левого фланга Кавказской линии Н.В. Греков после разорения деревень обратился к ним с призывом к спокойствию и повинению: «Вы не хотели отдать аманатов, когда я был за Аргуном, и жить спокойно, а сколько у вас побито людей? Чего стоят Шали и Малая Атага? Это все было бы цело, если бы вы жили спокойно! Какую пользу получаете вы, что несколько человек злодеев ездят на разбой к нам: ежели они утащат человека у нас, то выкупают свои же единоверцы. Если они убьют у нас кого, то мы вместо одного 2-х отсылаем в Сибирь» ([Материалы по истории Дагестана и Чечни, 1940: 172-173](#)).

Жесткость методов правления и подчинения приносила свои плоды, хотя обходилась большой ценой людских потерь для царской администрации. В связи с проводимой политикой часть селений мирных горцев на Сунже под страхом разорения «содержат караулы, препятствующие хищникам проходить на Линию, и в случае наносимого ими вреда ответственность за убыток» ([Материалы по истории Дагестана и Чечни, 1940: 175](#)).

В 1832 году жители селения Искера желали поддержать Кази-Муллу, а салатавцы остались верны России, за что «Николай I объявил салатавцам монаршее благоволение, а койсубулинцам селения Искера было объявлено, в случае поддержки Кази-Муллы они будут высланы в отдаленный край» ([Материалы по истории Дагестана и Чечни, 1940: 274](#)).

Царские власти на Восточном Кавказе «возлагали ответственность за будущее поведение абреков на жителей тех аулов, в каких поселялись сии беженцы» ([Материалы по истории Дагестана и Чечни, 1940: 433](#)). Это делалось для оптимизации процесса подчинения и сокращения войск и финансового содержания на Кавказе.

Для поощрения мирных горцев администрация использовала практику раздачи чинов и материального поощрения. Так, император распорядился наградить мирных горцев князя Кучук-Бекевича – чином капитана, Мундарова, Алибкачева и Алхазова – чинами прапорщиков ([Материалы по истории Дагестана и Чечни, 1940: 178](#)) за то, что они принимали деятельное участие в покорении деревень по реке Сунже.

После военного подчинения горских обществ царская администрация старалась их удержать в подчинении политическими и экономическими методами: приобщая к торговле, к законам империи. Данная политика стала практиковаться все более к 30–40-м гг. XIX века, наряду с гражданской колонизацией.

Царская администрация для поддержания порядка и контроля в землях чеченцев планировала народы, проживающие по рекам Сунже, Аргуну и Мечуку, насильно переселить их на приграничные крепостям Линии территории «довольно большими деревнями, не принимая до того ни под каким видом аманатов, которыми охотно жертвуют в крайностях для выигранья только времени» ([Материалы по истории Дагестана и Чечни, 1940: 239](#)).

Планировалось, что указанные выше общества должны будут:

«1. дать новых аманатов, прежние же за участие их в возмущениях не будут им возвращены, а отправляются на службу в Финдской корпус или в Сибирь на поселение.

2. возвратить всех находящихся у них пленных.

3. заплатить по 5 рублей серебром с двора штрафа и впредь платить ежегодно подати по 1 рублю со двора, в счет сего по недостатку у них денег принимать оружие или брать в залог людей из лучших семейств» ([Материалы по истории Дагестана и Чечни, 1940: 258](#)). Совокупно используя методы военно-политического и экономического подчинения, администрация планировала привести эти общества к покорности.

Стратегически и экономически важной территорией для империи была Грузия. В 1803 году, во время управления Грузией генералом князем Цициановым, джарские и белоканские народы были завоеваны силою Российского оружия ([Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 92. Л. 42](#)). Но это подчинение было недолгосрочным: как только русские войска покинули земли лезгин, они вновь пришли в неповиновение. Так, царские власти отмечали для себя, что горские общества лезгин быстро оправлялись от карательных операций царского правительства против них, участвовали в набегах на Кахетию и препятствовали постоянному расположению войск в своих владениях ([Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 92. Л. 42](#)).

Граф Паскевич-Эриванский признавал необходимым не откладывать нисколько решительного и безусловного их покорения как единственного средства обеспечить будущее спокойствие Кахетии ([Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 92. Л. 42](#)). 28 апреля 1830 года цель экспедиции была достигнута ([Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 92. Л. 43](#)).

Так, после подчинения владений Джары, Белоканы, Чиних, Талы, Мухахь и Джанихь ([Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 92. Л. 40](#)) князь Цицианов принял от их старшин присягу на верноподданство, обложил их данью и заключил с ними условия, которые должны были обеспечить «ненарушимость» присяги ([Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 92. Л. 42](#)).

Крепостная застройка на Лезгинском участке планировалась быть завершённой лишь к 1830 году, и правительство придерживалось того, что «к моменту возведения крепости между

Джарами и Белоканами отпущены будут в дома свои и взятые от общества аманаты» ([Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 92. Л. 48](#)). После учреждения Лезгинского участка кордонной Линии и ряда карательных операций против населения Джар и приведения их к покорности с помощью оружия и взятия аманатов ситуация в этой провинции стабилизировалась и стала подконтрольной российским властям, что оказало большое влияние на спокойствие Кахетии и Тифлиса ([Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 97. Л. 481](#)).

Российская администрация, считавшая, что после победы при Ахульго война близится к завершению, стала постепенно претворять в жизнь план гражданской колонизации, в том числе и Терской долины, «создания сети поселений на землях ингушей» ([Кодзоев, 2008: 88](#)).

В 1840 году командующий войсками на Кавказской линии генерал-адъютант П.Х. Граббе рапортовал о необходимости устройства системы фортификационных сооружений по течению реки Сунжи. Царская администрация предполагала «для утверждения здесь русского владычества создать поселения казачьих станиц на Сунже и возвести укрепления при главных выходах из гор» ([АКАК, 1870: 899-901](#)).

Следующий этап боевых действий Кавказской войны и активная деятельность Шамиля отсрочили осуществление этих планов ([Кодзоев, 2008: 89](#)).

Несмотря на то, что вторая четверть XIX века отличалась тактикой подчинения горцев, преобладающими все же оставались методы военного подчинения. В связи с этим к концу 40-х годов XIX века Линия продолжала совершенствоваться в военно-оборонном значении.

Для того чтобы контролировать территорию Большой и Малой Чечни было принято решение о строительстве укрепления Урус-Мартан, которое имело выгодное географическое положение. Кроме того, оно соединило бы и обезопасило расстояние между укреплениями Ачхоевским и Воздвиженским.

Цепь фронтовых станиц была хорошо организована для взаимопомощи и защиты, все были на таком расстоянии, что могли поддержать друг друга, а на Сунже более чем в 12 миль расстояния. Крепости имели свою систему оповещения в виде башен с колоколом, на каждой из которых постоянно находился сторожевой. Каждое движение на Линии передавалось пушечным огнем. Так, два выстрела означали призыв к оружию; четыре – говорили о том, что что-то случилось за Линией: например, угон скота, убийство пастухов, устроена засада на людей или шли небольшие отряды; восемь выстрелов сообщали о важном событии, таком как атака со стороны врага, или просьбу о немедленной помощи от соседних станиц и фортов ([Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 462. Л. 49](#)).

Начатое при Ермолове строительство путей сообщений продолжалось при его преемниках, особенно интенсивно во времена нахождения на Кавказе князя Барятинского, который, говоря об успехах на Северо-Восточном Кавказе, подчеркивал, что «...вырубкой просек, произведенной генерал-лейтенантом Евдокимовым... плоскость большой Чечни окончательно отторгнута от владений Шамиля..., движение от Воздвиженского к Кюринскому укреплению теперь возможно во всякое время» ([Левое крыло Кавказской линии: 40](#)).

Руководство кавказской администрации, осознавая необходимость укрепления и освоения земель чеченцев, в 50-е годы XIX века сменило тактику проведения военно-административной политики и пришло к тому, что решение этого вопроса возможно «лишь при занятии предгорий Андийского хребта..., перенесении сюда передовых укреплений... при сокращении длины передовой Линии» ([Левое крыло Кавказской линии: 41](#)). Российская администрация на Восточном Кавказе хотела сократить затраты на содержание многочисленных укреплений на Линии, за счет того, чтобы оставить малое их количество, но в наиболее стратегически важных точках при усовершенствовании материально-технической базы укреплений.

В этот же период было воздвигнуто укрепление Волынское, с постройки которого можно говорить о планомерной застройке долины как казачьими поселениями, так и перенесением аулов мирных чеченцев. Одной из тактических линий местной администрации было то, что с 40-х годов начинается процесс переселения аулов мирных горцев на передовую Линию, что было выгодным для укреплений, так как «аулы, переселенные впереди наших Линий, сами защищаются, ...уменьшая значительную из того потребность в войсках» ([Левое крыло Кавказской линии: 52](#)). Впоследствии казачьи станицы соединили собою земли между крепостями Назрань и Грозная. Следует отметить, что под станицей в данном случае подразумевалось не просто гражданское поселение, а укрепление, немногим уступающее крепости, что-то по типу станиц-крепостей Кизлярского участка Терской линии. Военно-переселенческая колонизация, продолжавшаяся на протяжении более чем 15 лет, полностью оформила пространство Кавказского хребта. Застройка Линии началась после неудачной для российских войск Даргинской операции, когда кавказская администрация уяснила для себя правило, основоположником которого был еще фельдмаршал князь Воронцов, которое сводилось к мысли о том, что «покорить горы невозможно, не покорив сперва плоскости и предгория» ([Из походных записок](#)). Немного позже правительство, проанализировав собственные ошибки, перешло от политики военного подчинения к гражданской колонизации, невоенным методам приобщения посредством политических и экономических рычагов. Царские власти планировали народы завоеванных провинций посредством умного и осторожного обращения склонить на сторону

русских интересов и повсюду завоеванную сторону примирить со своими победами ([Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 129. Л. 5](#)).

Под системным завоеванием региона нами подразумевается военно-политическое его освоение, где, наряду с военными методами подчинения, используются и политические рычаги управления. Необходимо отметить, что, несмотря на смену тактического сопровождения кавказской политики по подчинению и освоению региона, она по своему содержанию вплоть до окончания боевых действий Кавказской войны оставалась военной.

Военное присутствие было первостепенным элементом в вопросе претворения в жизнь кавказской политики: к примеру, в 1857 г. для прохождения по некоторым участкам Лезгинской линии и очищения от неприятеля были разрушены многочисленные аулы, находящиеся по пути следования ([Левое крыло Кавказской кордонной линии: 82](#)).

В 1858 году были проведены работы по обеспечению коммуникации по Линии: была устроена дорога по Аргуноу, дорога от лагеря до Варандинского поля и моста, соединяющего по ущелью вышеперечисленные дороги.

Происходит трансформация функциональных задач, поставленных перед Лезгинской линией. М.С. Воронцов осознал, что Линия имеет не просто стратегическое значение, но и геополитическое. Исходя из этого, начинается дорожное строительство: была построена Военно-Ахтынская дорога – от г. Нухи по Шинскому ущелью на укрепление Ахты. Параллельно шло строительство дороги от Кахетии на гору Кодор с дальнейшим возведением на горе укрепления. Многие укрепления и посты системы фортификационных укреплений, находившиеся в непригодном состоянии, были снесены, построены новые в наиболее значимых стратегических точках. В целях повышения обороноспособности Линии был принят ряд решений: «поставить вышку между Закалатами и Белоканами, ...переселить аул близ Беженьян, в котором поселились капучинцы, ...прорубить в нескольких местах просеки, ...установить караульный пост между крепостью Закалата и Муганинской переправой» ([ЦГА РД. Ф. 133. Оп. 4. Д. 13. Л. 5](#)). До самого окончания боевых действий Кавказской войны Кавказская кордонная линия играла важное значение в вопросе военного подчинения края. Также посредством укреплений и крепостей с 30-х годов XIX века начинает использоваться и политическое подчинение региона параллельно с гражданской колонизацией.

5. Заключение

Значение крепостей как важнейшего звена в осуществлении кавказской политики России было обусловлено рядом разнообразных факторов, начиная от географического положения и заканчивая полиэтничным составом региона.

Задача крепостей, которая на первых порах сводилась только к обороне и защите, впоследствии трансформировалась, заключаясь в дальнейшем освоении и подчинении новых территорий. Изменился и сам характер ведения боевых действий на Восточном Кавказе. Следует отметить, что ключевую роль в вопросе строительства и дальнейшего управления кордона сыграли начальники Линии, управлявшие ею с 20-х годов XIX века. Здесь необходимо учитывать и смену геополитической ситуации на Кавказе в целом, влияние Гюлистанского договора, а также и личностный фактор – это был период «новых управленцев», с качественно новым, прогрессивным уровнем мышления. Отчасти их становлению способствовал процесс длительного присутствия империи в регионе: на их деятельности отразился весь исторический опыт становления российской администрации на Кавказе. Политика военного подчинения региона реализовывалась посредством строительства Кавказской кордонной линии. В ходе исторического процесса освоения и подчинения Восточного Кавказа в XIX веке произошла смена векторов направленности кавказской политики. Первоначальное жесткое подчинение, с одной стороны, дало свои плоды – покорение некоторых территорий и развитие торговых, культурных коммуникаций между враждующими сторонами, с другой – в результате развития разного рода коммуникаций между народами закономерно отпала необходимость в военном подчинении и произошел постепенный переход к смешанной модели военно-политического освоения, а впоследствии – только лишь политического подчинения региона.

Крепости и укрепления Линии, а также станицы, возникшие в результате политики военного подчинения и гражданской колонизации, легли в основу будущих городов в регионе, способствовали процессу урбанизации. Города – аккумуляторы истории. Город-крепость, как «живой организм», который постоянно растет и развивается, где, благодаря коммуникации, происходило развитие добрососедских отношений и приобщение горцев к российскому экономическому, политическому, правовому, культурному пространству. С их появлением практика военного подчинения сошла на нет.

Мобильность преобразовательной деятельности царского правительства на Восточном Кавказе, переход от политики военного подчинения региона к политическому способствовали становлению толерантных основ кавказского общества и по сей день.

Литература

[АКАК, 1870](#) – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1870. Т. IV. 1044 с.

- [АКАК, 1875](#) – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1875. Т. VI. Ч. 2. 950 с.
- [АКАК, 1881](#) – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. VIII. 1881. № 613. 1009 с.
- [Дебу, 1829](#) – *Дебу И.* О Кавказской Линии и присоединенном к ней Черноморском войске, или общие замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую Линию, и о соседственных горских народах. СПб.: Типография Карла Крайя, 1829. 504 с.
- [Ермолов, 1868](#) – *Ермолов А.П.* Записки Алексея Петровича Ермолова. М., 1868. 726 с.
- [Кавказский вектор российской политики, 2014](#) – Кавказский вектор российской политики. Т. II. Кн. 2. 1762–1864 гг. М., 2014. 800 с.
- [Кодзоев, 2008](#) – *Кодзоев Н.Д.* Ученые записки № 1. Населенные пункты Ингушетии: история и современность. Магас, 2008. С. 85–90.
- [Из походных записок](#) – Из походных записок. Кавказ // *Военный сборник*. № 7. 1866. Восточная литература. Средневековые исторические источники востока и запада. [Электронный ресурс]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Iz_pochod_zapisok/text.htm (дата обращения: 12.10.2020).
- [Левое крыло Кавказской кордонной Линии](#) – Левое крыло Кавказской кордонной Линии (Терская область). Прикаспийский край (Дагестанская область) и Лезгинская кордонная Линия. Сборник документов Б.в.д. // Из фонда редкой книги ИИАЭ ДФИЦ РАН. 752 с.
- [Материалы по истории Дагестана и Чечни, 1940](#) – Материалы по истории Дагестана и Чечни (Первая половина XIX века) / Под редакцией Бушуева С.К., Магомедова Р.М. Т. 3. Ч. 1. Махачкала, 1940. 472 с.
- [Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН](#) – Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН.
- [Омельченко, 1991](#) – *Омельченко И.Л.* Терское казачество. Владикавказ, 1991.
- [Потто](#) – *Потто В.А.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. II. [Электронный ресурс]. URL: <https://statehistory.ru/books/Kavkazskaya-voyna-Tom-2-Ermolovsko-e-vremya/5> (дата обращения: 10.08.2020).
- [ЦГА РД](#) – Центральный государственный архив Республики Дагестан.

References

- [АКАК, 1870](#) – Akty, sobrannye Kavkazskoj arheograficheskoj komissiej [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission]. Tiflis, 1870. T. IV. 1044 p.
- [АКАК, 1875](#) – Akty, sobrannye Kavkazskoj arheograficheskoj komissiej [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission]. Tiflis, 1875. T. VI. P. 2. 950 p.
- [АКАК, 1881](#) – Akty, sobrannye Kavkazskoj arheograficheskoj komissiej [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission]. Tiflis, 1881. T. VIII. 1009 p.
- [Debu, 1829](#) – *Debu, I.* (1829). O Kavkazskoj Linii i prisoedinennom k nej Chernomorskom vojske, ili obshchie zamechaniya o poselennyh polkah, ograzhdayushch ih Kavkazskuyu Liniyu, i o sosedstvennyh gorskih narodah. [About the Caucasian Line and the Black Sea Army attached to it, or general remarks about the settled regiments enclosing the Caucasian Line and about the neighboring mountain peoples]. St. Petersburg, Karl Kray Printing House. 504 p. [in Russian]
- [Ermolov, 1868](#) – Zapiski Alekseya Petrovicha Ermolova [Notes of Alexei Petrovich Ermolov] M., 1868. 726 p. [in Russian]
- [Kavkazskij vector rossijskoj politiki, 2014](#) – Kavkazskij vector rossijskoj politiki [Caucasian vector of Russian politics]. Т. II. Book. 2.1762-1864 M., 2014. 800 p. [in Russian]
- [Kodzoev, 2008](#) – *Kodzoev, N.D.* (2008). Uchenye zapiski №1. Naseennye punkty Ingushetii: istoriya i sovremennost' [Scientific notes № 1. Inhabited localities of Ingushetia: history and modernity]. Magas. Pp. 85-90. [in Russian]
- [Iz pohodnyh zapisok](#) – Iz pohodnyh zapisok [From Camping Notes. Caucasus]. Kavkaz. *Voennyj sbornik*. 7. 1866. Vostochnaya literatura. Crednevekovyie istoricheskie istochniki vostoka i zapada. [Electronic resource]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Iz_pochod_zapisok/text.htm (date of access: 10.12.2020.) [in Russian]
- [Levoe krylo Kavkazskoj kordonnoj Linii](#) – Levoe krylo Kavkazskoj kordonnoj Linii (Terskaya oblast'). Prikaspijskij kraj. (Dagestanskaya oblast') i Lezgin'skaya kordonnaya Liniya [The leftwing of the Caucasian cordon Line (Terskregion). Caspian region. (Dagestan region) and Lezgin cordon Line]. Sbornik dokumentov B.v.d. Iz fonda redkoi knigi IIAE DFITS RAN. 752 p. [in Russian]
- [Materialy po istorii Dagestana i Chechni, 1940](#) – Materialy po istorii Dagestana i Chechni (Pervaya polovina XIX veka) [Materials on the history of Dagestan and Chechnya (First half of the 19th century)]. Pod redakciej Bushueva S.K., Magomedova R.M. T.3. Part 1. Makhachkala, 1940. 472 p. [in Russian]
- [Nauchnyyarkhiv IIAE DFITS RAN](#) – Nauchnyyarkhiv IIAE DFITS RAN. [Scientific archive of the IIAE DPRC RAS].
- [Omel'chenko, 1991](#) – *Omel'chenko, I.L.* (1991). Terskoye kazachestvo [Terek Cossacks]. Vladikavkaz. [in Russian]

Potto – Potto, V.A. Kavkazskaya voyna votdel'nykhocherkakh, epizodakh, legendakh i biografiyakh. [The Caucasian War in Selected Essays, Episodes, Legends and Biographies] Т. II. [Electronic resource]. URL: <https://statehistory.ru/books/Kavkazskaya-voyna--Tom-2--Ermolovskoe-vremya/5> (date of access: 10.08.2020). [in Russian]

TGARD – Tsentral'nyy Gosudarstvennyy Arkhiv Respubliki Dagestan [Central state archive of the republic of Dagestan].

Левый фланг Кавказской кордонной линии: место и роль фортификационных укреплений в военно-политическом подчинении Восточного Кавказа в период Кавказской войны

Махач Мустафаевич Вагабов ^a, Абидат Абдулаевна Газиева ^{b, *}, Василий Алексеевич Рогожкин ^a

^a Московский политехнический университет, Российская Федерация

^b Институт истории, археологии, этнографии, Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе комплексного использования имеющихся в исследовательском распоряжении литературы и источников проводится системное изучение истории строительства и функционирования фортификационных укреплений левого крыла Кавказской кордонной линии в контексте военно-политического подчинения региона. Проведя аналитический анализ комплекса источников, литературы, исторических концепций, мы предприняли попытку системного исследования влияния кордонных укреплений и крепостей на Восточном Кавказе на военно-политическое подчинение края в период Кавказской войны. Кроме того, нами делается попытка градации методов военного и политического подчинения.

В исследовании раскрываются роль и значение фортификационных укреплений левого крыла Кавказской кордонной линии в подчинении территории Восточного Кавказа Российской империей в XIX веке, а также показывается эволюция системы управления регионом в период Кавказской войны. Тема истории создания кордонных линий на Восточном Кавказе, целей и задач строительства слабо освещена в научной литературе. Для достижения обозначенных траловых целей и задач большое значение имело применение ценностного подхода, который сформировал отношение к исследуемым процессам и позволил дать им оценку, а также способствовал франкированию исторических событий, используя такие научные категории, как «место», «роль», «значение», «опыт».

Кордонные укрепления и крепости были проводниками кавказской политики Российской империи на Восточном Кавказе. До 30-х годов XIX века царская администрация преимущественно использовала для подчинения территорий Восточного Кавказа тактику военного покорения территорий посредством карательных операций. Жесткие методы военного подчинения постепенно были заменены на методы политического управления, распространения российского законодательства, порядков. О политическом освоении стоит говорить лишь на тех территориях, которые изначально были подчинены силой оружия и только по прошествии времени посредством аккультурации, бытовой коммуникации и торгово-экономических контактов стали ментально ближе к России. На приграничных к кордонным линиям территориях активно велась колонизация, сначала военная, затем гражданская, что также способствовало военно-политическому подчинению края. Огромное значение в вопросах военно-политического подчинения Восточного Кавказа играл личностный фактор: управленцы меняли, трансформировали внутренний вектор кавказской политики, меняя его в зависимости от своих представлений о покорении края. На протяжении XIX века тактика военного подчинения региона стала эволюционировать и трансформировалась в военно-политическое освоение региона с преобладающим использованием военного ресурса, что было обусловлено продолжающейся Кавказской войной.

Ключевые слова: фортификационные укрепления, кавказская политика, аманаты, военная кампания, Ермолов, политика изоляции.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: gazieva.abidat@mail.ru (А.А. Газиева)